Как бы это ни показалось странным, ровно сто лет назад, незадолго до потрясших страну событий октября 17-го года, Россия жила все еще мирной жизнью. Где-то там, далеко, идет война, а в глубинке земледельцы радовались поспевающей ржи, которая уродилась на славу. Владельцы магазинов подсчитывали выручку, радуясь спросу на не только продукты, но и промышленные товары. А Александр Петрович Олферьев начал ремонт квартиры в Саранске. Правда, его планы чуть было не нарушило неприятное известие: его, как бывшего подполковника, вызвали в приемную Военную комиссии на освидетельствование. В роду Олферьевых малодушных никогда не было, но Александр Петрович осознавал, что эта война идет к концу, и она никому не нужна, поэтому приложил усилия, дабы избежать отправки на фронт.

РЕМОНТ КВАРТИРЫ

Много труда было с кухней в Саранской квартире, но я удачно разрешил эту задачу. Выкинули весь гнилой и сырой настил пола, оказалось, что под ним прямо болото. Выкинули грязь и насыпали толстый слой песку, который утрамбовали битым кирпичом-перекалом, и залили все бетоном. Вдоль кирпичных стен поставили на ребро кирпичи на расстоянии полтора вершка от стены и на вершок друг от друга, а поверх их поставили кирпичи без просвета, укрепляя их к стене на длинных гвоздях, и так вывели вторую стенку до окон. На положенные на бетон кирпичи положили переводы и на них настлали пол. В стоявшей на особом фундаменте русской печи я устроил рядом с дымоходом особый ход для тяги (вентиляции) воздуха из подпола. Вышло очень удачно, и сырость в кухне пропала совершенно. А из кухни я сделал ход в имевшийся под домом подвал, прорубив стену и устроив дверь. Подвал был глухой, но я велел сделать окна и устроить железные решетки в них. Подвал стал светлый, а на пол насыпали слой сухого песку. Это было очень удобно для прислуги. Там можно было все хранить из продуктов и ставить разные вещи. Подвал был сухой. За зиму я был спокоен.

Рожь доспевала

Рожь доспевала, надо было убрать урожай и ликвидировать хозяйство в Родниках. Крестьяне очень наседали. Но в это время я получил неприятное извещение из Родников о том, что М.Ф. Пипан сильно заболел. Меня это очень обеспокоило и взволновало. Полетел в Родники. Оказалось, что Пипан был на сходе и очень волновался, а день был исключительно жаркий. Он вернулся домой, напился квасу прямо со льда и решил искупаться. Вот и заболел. Его в карете отвезли в больницу, где хорошо устроили. А вскоре мне пришло известие из Лунина, что Пипан скончался. Меня это очень огорчило, так как с его смертью я терял дельного, надежного и отличного человека и в такой тяжелый, и трудный момент.

Решили хоронить Пипана в Лунине. На похороны собралось масса народу и на всех произвело большое впечатление совершение обряда. Особо удивляла население одежда ксендзов, и хотя никто не понимал службы на латинском языке, все нашли, что все очень похоже на наши похороны.

В Саранске был без дела агроном, более или менее мне известный и дельный человек. Приехав в Саранск, я обратился к нему с просьбой выручить меня в такой критический

момент, до приискания подходящего человека. Агроном был - некто Березовский из-под Киева, из Белой Церкви. Он стремился уехать туда, но средств не хватало, и он сразу согласился пока поступить ко мне. Я обещал оплатить его труд по его назначению, а он назначил 200 рублей в месяц. Поехали с ним в Родники, где он принял имение и все хозяйство. Надо было убирать рожь. Березовский оказался дельным и действительно знающим человеком. Он горячо принялся за работу. Уборочные машины были в полном порядке, а также и локомобиль, и сложная молотилка. Поехал я в Пензу получить деньги за яровые семена и получил 10000 рублей. Вернулся в Родники и оставил на уборку ржи 7000 рублей, после чего вернулся в Саранск, а затем в Уду, где тоже предстояло убирать ржаное поле. В Родниках было у меня 4 сноповязалки и две жатки. Березовский все 6 машин направил в поле и хотел начать уборку, но явились все крестьяне из Родников и не дали начать уборку, заявив, что они сами сожнут поле, а за это им должно быть уплачено 5000 рублей. Никакие доводы на крестьян не подействовали и, чтобы избежать худшего, Березовский согласился выполнить их требование. Наутро крестьяне вышли в поле, и в три дня вся рожь была сжата чисто и хорошо, и никаких осложнений не было. Надо было свозить снопы и молотить. Погода стояла сухая и жаркая. Крестьяне вновь явились и заявили, что они сами свезут снопы и обмолотят рожь и потребовали за это опять 5000 рублей. В это время у меня шла молотьба, и надо было готовить деньги. Приехал в Саранск и взял в банке со своего счета 5000 рублей и перевел их Березовскому. Обмолотили рожь и сложили в амбар. Оказалось более 20000 пудов. Получив эти сведения, я поехал в Пензу и запродал все в Управу. Рожь по натуре была более 125 золотников по пурке. Сухая и чистая.

Явился неизвестный

За это время я успел часть скота перегнать в Уду - прекрасного жеребца тяжеловоза Шайра, за которого я заплатил 1300 рублей, и несколько коров-сименталок, чистой породы и с хорошим удоем. Но у меня оставалось много лошадей и коров, ликвидировать которых было трудно. Было много свиней. Как-то днем явился мне неизвестный, плохо одетый человек и предложил продать ему лошадей, коров и свиней, все, что было в наличие взрослого и молодняка. Я объяснил, что осмотреть лошадей и скот рискованно, так как весь скот и лошади были на пастбище, и осмотреть их можно лишь издали. Лошади все здоровы, но не в уборе. «Я издали осмотрю, и мы порешим», сказал он. Пошли, издали оглядели лошадей, и он оценил их в 8000 рублей, а за остальной скот - 6000 рублей, а всего на 14000 рублей. Я спросил, как он возьмет такую массу скота, но он сказал, что к вечеру пришлет своих молодцов, и в ночь лошади уйдут, а утром, как выгонят скот на пастбище, так и прогонят дальше и угонят. После этого он ушел. Когда стало темнеть, явилось 6 парней лет от 16 до 20. Явился и сам покупатель. Я только удивлялся. Покупатель меня просил с ним переговорить один на один. Пошли в мою комнату. Тут он снял сапог и вынул из сапога пачку денег и, отсчитав 14000 рублей, вручил их мне тысячерублевыми билетами с изображением Государственной Думы. Действительно в ночь без всякого шума проданные лошади исчезли, а утром и скот был угнан.

Налогов я не платил,
да и никто не требовал

После моего отъезда прибыла приемная комиссия от Управы для принятия ржи.

Приняли рожь и опечатали амбар и поставили к нему охрану. За рожь была назначена цена 110000 рублей. Куда деть инвентарь и все прочее решить было трудно. Надо было теперь получить 110000 рублей с Управы, а это не так легко, а для меня эта сумма была необходима и вполне обеспечивала наше существование.
Потом поехал я в Продовольственную Управу, но денег там не было, и я получил только часть. Березовскому надо было ехать на родину, и надо было его рассчитать. Порекомендовали мне управляющего, которого я не знал, но мне нужен был лишь сторож, и потому я взял рекомендованного старика, совершенно не отвечающего своему назначению, как управляющий. На локомобиль и сложную молотилку покупщиков не было, а также на плуги и на другой инвентарь. Не появилось покупщиков и на две с половиной десятины леса. Будь жив Пипан, все это я использовал бы, а тут было имущества не на одну тысячу рублей. Один локомобиль стоил при очень плохих ценах не менее 5 или 6 тысяч рублей. Стоили порядочно и экипажи, а благодаря Пипану все это было в полном порядке. Тяжело и грустно все это было, но что же делать, приходилось подчиняться обстоятельствам. Налогов я никаких не платил и процентов в банки тоже не платил, да никто и не требовал. Не до того было.

В УДЕ ВСЕ ШЛО СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Приехал в Уду. Там было все в порядке, все были покойны и жили, как всегда. Кругом же все волновалось. Мочало содрали, и оно просохло. Я отправил все в Саранск, в Продовольственную Управу, и выручил за мочало 4000 рублей. Отвезли мочало удинские крестьяне. Перевез и часть мебели, и кое-что из вещей. Квартира в Саранске прямо радовала, и все завидовали мне, так удачно все вышло. Старшие сыновья были уже в Симбирске в корпусе, куда отвезла их моя жена, только Юрий был дома, но и его надо было куда-либо поместить, а куда - сложный вопрос. Подготовлен он был хорошо. В Саранске открывалась классическая гимназия, которая была эвакуирована из Риги, в виду военных обстоятельств, и туда можно было поместить Юрия. Я решил перевести семью в Саранск. Но гимназия пока еще устраивалась. Положение кругом все более становилось неважным и ненадежным. Много было серьезных эксцессов. Посылались конные команды для наведения порядка, но это плохо помогало.
Надо было получать деньги за проданный хлеб, но денег не было в Государственном Банке. Все ожидали каких-то местных «бон». Мною было продано и сдано хлеба на 120000 рублей и мне удалось получить ровно половину - 60000 рублей, но частями по 10-15 тысяч, что было для меня очень невыгодно, но приходилось с этим мириться и ждать выпуска бон.
В это время шло голосование по избранию членов Учредительного Собрания. Выборы назначены в сентябре. В день выборов я и жена должны были поехать в Атемар и там опустить свои бюллетени.